

С. Н. АРТАНОВСКИЙ,

профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук

РОССИЯ И МИР КАК ТЕМА РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Тему «Россия и мир» мы понимаем как изучение международных культурных связей России. История таких связей должна быть представлена как начавшаяся в древние времена и продолжающаяся сегодня. Она может быть развернута как в сфере школьного, так и высшего образования. Мы будем придерживаться последнего аспекта. Эта тема может быть разработана как в особом спецкурсе, так и в отдельных лекциях курса отечественной истории. Мы будем иметь в виду спецкурс, хотя его отдельные темы могут быть вставлены и в большой основной курс.

Первой темой курса будут культурные связи древних славян с окружающим их миром. Здесь выделяются культурные контакты с Византией и германским Севером. Вопреки взглядам евразийцев, влияние восточных культур на наших древних предков

было незначительным — по крайней мере, по сравнению с влиянием Скандинавии и Византии.

Следующая тема посвящена Московскому государству. Здесь следует оттенить влияние южных славян на русскую культуру московского периода. Это было показано, в частности, в работах Д. С. Лихачева. В этот период можно уже говорить и об обратном влиянии русской культуры на культуры некоторых южнославянских народов — сербскую, например. Отметим, что в первые эпохи международных культурных связей России усвоение культурных ценностей других народов носило малооригинальный характер.

В ходе дальнейшего развития этих контактов такое усвоение принимало все более самобытный и творческий характер. С полной силой это проявилось в начале XIX века,

когда европейские влияния стали лишь стимулом роста русской национальной культуры. «Пушкину была свойственна могучая сила самобытного присвоения чужих форм», — эти слова И. С. Тургенева относятся и ко многим другим деятелям русской культуры.

До XIX века влияние русской культуры на зарубежную было незначительным. Народы, входившие в Российскую империю, конечно, подверглись влиянию русской культуры уже давно, но лишь в XIX веке, особенно в его конце, русская культура вышла на европейскую арену. Ф. М. Достоевский, Лев Толстой, М. И. Глинка и П. И. Чайковский стали широко известны за рубежом.

Это влияние продолжилось и в XX веке, когда русская иммиграция познакомила Западную Европу со многими произведениями русской литературы, музыки и философии.

Вопреки распространенному мнению, в советское время культурный обмен продолжался. Период с начала 1930-х и до середины 1950-х годов отличался ослаблением культурных связей. Но классическая культура Запада и тогда распространялась в Советском Союзе. Вспомним переводы М. Лозинского, С. Маршака. Были изданы, например, сочинения Флобера, Бальзака, Стендаля и др. Что же касается раннего периода большевистского правления, то он отличался большой интенсивностью интернациональных связей. Так, большинство книг Фрейда вышло в русском переводе сразу после их опубликования за рубежом, а одна из них была напечатана в нашей стране даже раньше, чем оригинал в Германии.

После XX съезда КПСС культурные связи с зарубежьем стали все более расширяться. Начиная с 1990-х годов этот процесс значительно углубился. Но в настоящее время он стал весьма противоречивым. Наряду с ценным в Россию хлынул поток низкопробного «культурного» ширпотреба. Серьезный культурологический анализ был бы полезен, чтобы отличить хорошее от плохого в нахлынувшем на нас потоке западных влияний.

Изучение связей русской культуры с зарубежьем начинается во второй половине XIX века в трудах А. Веселовского. Ученый убедительно показал общность многих сюжетов древнерусской и западноевропейской литературы. Его работы доказали принадлежность древнерусской литературы к общемировому литературному процессу.

В конце XIX века А. Веселовский опубликовал свою книгу о западных влияниях в новой русской литературе. Это было первое серьезное исследование данной проблемы.

Книга заинтересовала публику, вышло пять изданий подряд. Одновременно книгу обвинили в антипатриотизме, автор эмоционально защищался от этих обвинений. Наверное, он был прав. Дело не в антипатриотизме, а в методологической ошибке. А. Веселовский как настоящий позитивист резко ограничил поле своих исследований констатацией фактов различных влияний. Что такие влияния были, он доказал в своей книге. Но он ничего не сказал о том, что эти влияния были усвоены в большинстве своем творчески и самобытно. Это и создало ложное представление о его идейной позиции.

В дальнейшем изучение международных связей России продолжилось; было оно и в советское время. Упомянем хотя бы трехтомник «Русская культура и Франция», вышедший во второй половине 1930-х годов.

Таковы некоторые штрихи к истории международных связей России.

Методологическая строгость уместна и по отношению к другим проблемам теории мировых культурных контактов. В своих работах Д. С. Лихачев не раз высказывал мысль о том, что международные контакты есть область универсального. Во многом это верно, но данная характеристика не является исчерпывающей. Так, в двух аспектах можно говорить о мировых контактах как области универсального. Во-первых, культурные контакты — принадлежность всех народов и всех эпох; выражаясь философским языком, они есть атрибут всемирной истории. Были перерывы в культурных контактах, в отдельных частях света существовали их подъемы и упадки, но в целом они были постоянным явлением, а с XVI века превратились в устойчивую мировую систему. Во-вторых, уже в Новой истории стало складываться явление, которое можно назвать *международным культурным фондом*.

В наши дни он растет особенно быстро. Это идеи, технические приемы, медицинские правила, лексика, многое в искусстве и науке. Международный культурный фонд существует в лоне национальных культур, но, как правило, не занимает в них господствующего положения. По крайней мере, так обстоит дело сегодня.

Однако международные контакты характеризуются тем, что ведут к возникновению исторически особенного — модификации национальных культур, которые при этом вполне сохраняют свой национальный характер. Иногда они становятся стимулом национального развития, иногда культурные феномены внешнего происхождения включаются в

контекст культуры-воспреемника. Особенно часто это встречается в языке, нередко — в технике и медицине. Но данные процессы не ведут к образованию универсального. Это и обуславливает устойчивость национально-го характера культур народов мира, подвергшихся иноземным воздействиям.

Несколько лет назад в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств была напечатана составленная

мною программа «Россия и мир». Недавно она переиздана в сборнике программ по культурологии в этом же университете. Мне представляется, что работа в этом направлении должна быть продолжена. Тема «Россия и мир» имеет большое научное и вспомогательное значение, способствует как патриотическому, так и интернациональному воспитанию. А это как раз то, что очень актуально в наше время.